

КНИГИ

Максима Шаттама,

опубликованные Издательством АЗБУКА

Парижский отдел расследований

Союз хищников

Терпение дьявола

Зов пустоты

Постоянство хищника

Прайм-тайм

•

Иллюзия

•

Другой мир

Союз трех

Королева Мальронс

Сердце Земли

МАКСИМ ШАТТАМ

ПРАЙМ-ТАЙМ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
III 29

Maxime Chattam

PRIME TIME

Copyright © Éditions Albin Michel – Paris 2024

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Марианны Таймановой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-28740-2

© М. Е. Тайманова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Я пишу под музыку: она отгораживает меня от всего, кроме слов. Если во время чтения вы тоже хотите погрузиться в мир звуков, могу посоветовать вам, в частности, альбомы, которые соответствуют настроению этого романа:

саундтрек Филиппа Ромби к фильму «Видения» (2023);

саундтрек Филиппа Ромби к фильму «Черный ящик» (2020);

саундтрек Давида Рейеса к первому сезону сериала «Багровые реки» (2018);

саундтрек Эрика Невё к телефильму «Полет аистов» (2013).

Он это говорит с таким зловещим видом...
«Да» — на устах и «нет» — в глазах!

Виктор Гюго «Рюи Блаз»¹

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник. — *Здесь и далее примечания переводчи-
ка, кроме отмеченных особо.*

ПРОЛОГ

Сегодня море было мутно-серым, изрезанным гребешками пены; оно вздымалось, как полотнище на ветру. Всегда одинаковое и всегда разное. *Совсем как информация*, думал Поль, сидя на банкетке в эркере своего нормандского дома. А уж в вопросах информации Поль знал толк.

Он сам был информацией. Ее глашатаем. Воплощением новостей, их лицом, их голосом. Каждый вечер ровно в 20:00, сразу же после привычной заставки Первого канала Франции, не дожидаясь приглашения, он заходил в дома по всей стране — в гостиные, к обеденным столам, на планшеты, а иногда пристраивался рядом с кроватью. Неизменная улыбка в уголках губ, виртуозно отработанное выражение лица: успокаивающее, но не безмятежное, уверенное, но не снисходительное — все решал лишний миллиметр, ракурс, который он отшлифовывал часами перед выходом в эфир, оттачивал в режиссерской, пока не доводил до совершенства. Взгляд тоже имел значение — неотрывный, глубокий, сосредоточенный, но не напряженный: нужно завораживать, а не тревожить. Теперь, с приходом опыта, он надевал эту маску мгновенно, едва заслышав отсчет в наушниках, — он делал это так же автоматически, как завязывал галстук.

У него забурчало в животе — напоминание о том, что пора позаботиться о желудке. Он ничего не ел со вчерашнего вечера, а уже час дня. Анисса и Миа отправились обедать в город, на набережную, но Полю было лень. Лень хоть как-то

одеваться, слышать перешептывания у себя за спиной, позировать для чьих-то селфи, попадать на снимки, сделанные украдкой в ресторане, чувствовать себя обязанным находить слова для каждого, кто его останавливал и признавался в любви. Приветливость посторонних со временем начинала тяготить, потому что в ответ требовалось быть не менее приветливым с каждым встречным-поперечным, улица за улицей, и не важно, что хочет или что чувствует он сам, — он превращался в автомат по реализации законных ожиданий публики. Такого признания он жаждал, когда был честолюбивым юнцом, не слишком осознавая, что на самом деле оно влечет за собой. Отказаться он не мог, но жене и дочери часто бывало мучительно неловко находиться рядом с ним на людях. Им приходилось ждать в сторонке, вежливо улыбаться, отказываться фотографироваться, оберегая свою частную жизнь, когда постоянно приходится оставаться на виду у всех и ни минуту — втроем, наедине. Поэтому лучше было вообще не вылезать из дома в этот полдень. У Мии начались занятия в университете, и в сентябре она покинула родительский кров, зато сегодня мать и дочь могли спокойно провести время вдвоем.

Снова заурчало в животе.

Холодильник пустой, но это не страшно. Даже полезно для поддержания хорошей формы. К тому же телевизионный экран заметно полнит, и, если Поль хочет выглядеть стройным, он должен следить за тем, что ест, а «ни крошки во рту» — только на пользу имиджу.

Огромный вал обрушился на скалы под домом, взлетев белой пеной в угрюмое ноябрьское небо. Гигантская, яростная волна рассыпалась в воздухе, точно сверхновая звезда, окропив брызгами даже «тропу таможенников», проходившую под эркером. Несколько капелек долетели до самого окна.

Поль наблюдал за тем, как они скользят вниз по стеклу прямо у него перед глазами, по воле притяжения. Иногда

ему приходило в голову, что точно так же устроена его жизнь: она подчинена какой-то неведомой силе — ведь командует не он, а какая-то энергия извне — нет-нет, не божественная, Поль не был верующим, а, скорее, коллективная, словно масса живых существ могла, сама того не ведая, направлять ход мироздания и руководить не только им самим, но и остальными. Как известное медийное лицо, он подчинялся диктату большинства. Полный идиотизм. Нелепо воображать себя жертвой, особенно человеку, добившемуся такого успеха. Никто его не принуждал, — напротив, он провел годы в борьбе, вкалывая до полного изнеможения, чтобы добраться туда, где был сейчас: удача ему сопутствовала, а порой он сам мог притягивать к себе эту удачу. Он заплатил за это двумя разводами и язвой желудка. И все же чем больше проходило времени, тем острее он ощущал, будто теряет часть самого себя, свою истинную свободу воли, возможность быть тем, кем хочется и когда хочется. Неужели это и есть цена славы? Жить под постоянным контролем — имиджа, слов, облика, послания, которое транслируешь. Даже символически. Все продумывать, заранее все предвидеть и никогда не иметь возможности плыть по течению, быть легким, беспечным, обыкновенным...

Поль понимал, что не имеет права так говорить. По крайней мере, не в том положении, где умудрялся держаться уже больше десяти лет. Успех, популярность, деньги — эта святая троица мнимого счастья — запрещали ему выпячивать свои душевные терзания в мире, где страдали все. Преуспевающим людям не подобает жаловаться. Поэтому он преодолевал сомнения и усталость, пытаясь запрячь их как можно глубже.

В темном экране айпада на журнальном столике отражалось небо. Экран притягивал его. Просмотреть прессу, полистать новости. Как ведущий вечерней программы, он никогда надолго не отключался от информации. Помедлив, Поль встал и направился в кухню. Выпив стакан воды, он

взглянул на раскинувшийся внизу сад — потрясающие гор-тензии, которые посадила Анисса, образовывали цветные островки, похожие на большие мягкие подушки, куда хотелось упасть и лежать, не двигаясь. Когда они уедут в Париж, садовник будет их поливать.

Затем он взглянул на улицу за садом. Никого. Поль заметил припаркованную напротив ворот, чуть поодаль, черную машину и разглядел два силуэта на переднем сиденье. Какая наглость — окопаться так близко от его дома! Теперь они даже не дают себе труда прятаться! Пятидесятилетний журналист не хотел портить себе день — стоит ли превращаться в параноика из-за каких-то папарацци? — поэтому предпочел проигнорировать их и вернулся в гостиную.

Он коснулся экрана телефона. За полчаса прилетело несколько сообщений, но ни одного от Аниссы. Отлично, значит, они хорошо проводят время. Стоит ли предупредить их о том, что перед домом торчат папарацци? Он решил, что не стоит, ведь охотятся только за ним, просто нужно держаться от них подальше.

Поль увидел свой второй телефон, рабочий, протянул было руку, но передумал и не стал его включать. Нет. Там уже наверняка куча сообщений. Сегодня воскресенье, вечером он будет читать и делать выписки, готовиться к эфиру в понедельник вечером, а пока можно позволить себе передышку.

Он сел к роялю, поднял крышку и опустил руки на клавиатуру. Спина прямая, правильная постановка рук. Первые звуки наполнили дом — мелодия, аккомпанемент... Не идеально по ритму, и звук не очень, зато без фальшивых нот. Поль был прилежным ребенком. Рояль — вот о чем он мечтал в детстве. Журналистскую карьеру он выбрал только в лице, а до этого жил одной музыкой. Он даже подумывал стать пианистом, сделать это своей профессией, но ему всегда не хватало таланта и упорства. Хуже того, когда учился в Лилле и позднее, когда начал работать, на несколько лет

забросил инструмент. Только уже под тридцать он осмелился снова прикоснуться к клавишам.

Это случилось поздней ночью, на свадьбе его сестры. Празднество подходило к концу, близился рассвет, Поль в мятой рубашке, заляпанной винными пятнами, искал оставленный где-то пиджак и неожиданно в большом пустом зале наткнулся на рояль. Черный лакированный «Бёзендорфер». Великолепный. Он смотрел на него с щемящим чувством. В то время он уже довольно успешно работал в газете, потом перешел на радио, и его достаточно быстро подпустили к микрофону. Поль пристрастился к адреналину прямого эфира, к командной работе над новостями, потом сделал первые шаги на телевидении, перед камерой, время от времени замещая ведущих вечерних выпусков. Его начинали узнавать, и Полю это безумно нравилось. Людская благожелательность еще не превратила его в нарцисса, вытравив все человеческое.

«Бёзендорфер» возвышался в пустом зале, готовый открыться любому, кто осмелится его приласкать. А у Поля на глазах выступили слезы. Он вспоминал о сотнях, если не тысячах часов, проведенных за инструментом, прежде чем он забросил его по легкомыслию молодости, ради удовольствий и славы. Что стало с тем мальчиком, каким он был когда-то? С юным оболтусом, который ни в чем себе не отказывал? В это мгновение, все еще под воздействием алкоголя, валясь с ног от усталости, Поль попросил прощения у паренька из прошлого. Гордился бы этот мальчишка тем, кем стал нынешний Поль?

Поль задумался. Да, гордился бы. На самом деле не все у него пошло прахом, просто изменились планы. И в этом новом своем амплуа он вполне преуспел.

Рояль подмигивал ему, но Полю было ужасно стыдно, и он не осмеливался подойти. И все-таки в конце концов сел за рояль. Это был старинный инструмент; пальцы коснулись клавиш слоновой кости, Поль взял аккорд — просто

чтобы вспомнить звучание, чтобы снова на мгновение стать ребенком. Мозг уже не помнил, но тело помнило, и в темноте огромного зала зазвучало начало «Лунного света» Дебюсси. Не идеально, но это была музыка. И Поль заплакал. Он плакал оттого, что все еще способен играть, оттого, что бросил то, что приводило его в восторг в детстве, и в это утро дал себе слово никогда больше не забывать.

С тех пор он купил сначала один рояль, потом и второй — для дома в предместье Парижа и здесь, в Нормандии, — и играл, когда выдавалась минута, не так часто, как хотелось бы, но это была его связь с детством, и поскольку он все еще мог воспроизводить прекрасные мелодии, то верил, что остался хорошим человеком, даже когда сомневался в себе, даже когда чувствовал себя чересчур деловым, слишком самовлюбленным, излишне снисходительным к себе, — у него был инструмент, чтобы успокоиться, почувствовать, что в его душе сохранилась частица детской незамутненности, что-то доброе и светлое, а значит, жизнь прожита не зря.

Теперь, обратив лицо к морю, которое открывалось в эркере, Поль играл меланхоличную джазовую композицию. Почти на целый час ему удалось забыться, уйти от реальности и остаться наедине с музыкой под взглядом акварелей Франсуа Равара¹, украшавших стены гостиной. И цветные фигурки на них вдруг словно превратились в слух, повернулись к музыканту, будто Поль, что бы он ни делал, сам того не сознавая, был создан для того, чтобы притягивать внимание, чтобы его слушали.

В середине дня Анисса и Миа вернулись после прогулки по пляжу. Они пребывали в приподнятом настроении и полном согласии, успокоенные тем, что могут оставаться

¹ *Франсуа Равар* (р. 1981) — французский иллюстратор, акварелист и автор комиксов.

близкими и теперь, когда Миа живет одна, вдали от родителей, и их больше не связывает общность повседневности.

Они втроем собрались за чаем — минуты простой радости и беззаботности, похожие на счастье, — затем пошли наверх собрать сумки, закрыли ставни в доме, и внедорожник скользнул в ночь, к Парижу.

Поль, который сидел за рулем, совершенно не обратил внимания на то, что с первой минуты за ними следует какая-то машина. Но даже если бы заметил, подумал бы о папарацци. Поль возвращался в столицу, к новостям. Ему предстояло подготовиться к вечернему выпуску — привычное дело. Он знал: завтрашний день будет долгим.

Намного дольше, чем он мог себе представить.

Все — яд, он везде!
Все — яд, это доза!

Шарлен напевала свою любимую песню группы *Mass Hysteria*¹, крутя педали велосипеда, отключив в наушниках шумоподавление, чтобы слышать шум проезжающих машин. Она была девушкой решительной, но не самоубийцей. Пока не слишком холодно, можно добираться на работу на двухколесном транспорте, и она пользовалась этим до наступления зимы. Если зима вообще наступит... Поди знай с этим глобальным потеплением...

Она оставила велосипед возле булочной на углу улицы, где работала, купила свой утренний круассан, тройной кофе, который продавщица налила ей прямо в термокружку, и помахала служащим.

— До завтра, Шарли́, — ответила девушка за стойкой.

Шарлен была человеком привычек. Одни и те же ежедневные ритуалы. Минута в минуту, ну или почти.

07:54. У нее еще оставалось шесть минут, чтобы пройти триста метров, миновать охрану, подняться на лифте и ока-

¹ Эти строки — отголосок знаменитой фразы Парацельса (Филипп Ауреол фон Гогенгейм, 1493–1541), швейцарского врача, алхимика, философа и астролога, одного из основоположников современной медицины и токсикологии: «Все есть яд, и все ядовито; одна лишь доза делает яд незаметным», переложенной в тексте песни французской индустриал-метал-группы *Mass Hysteria* (с 1993) «*Tout est poison*» с их альбома «*Matière Noire*» (2015).

заться на своем этаже ровно в восемь утра. Отлично. Башня «Медиаплекса», крупнейшего мультимедийного холдинга Европы, накрывала своей тенью весь квартал — продолговатая громада футуристического дизайна, которую недоброжелатели сравнивали с поднятым средним пальцем, воздвигнутым здесь как оскорбление разуму. Поскольку «Медиаплекс», и в частности его флагманский канал «МД1», была нацелена на самую широкую аудиторию (а чтобы охватить массы, как говорили в кулуарах компании, нужно работать масштабно, не зацкливаясь на деталях и отдельных сегментах), это создало ей репутацию группы-мастодонта и канала, подающего всю информацию упрощенно и достаточно примитивно, даже манипулирующего зрителями. Главным критерием формирования программной сетки был размер аудитории, а отнюдь не стремление поднять свою публику на более высокий художественный уровень. Амели де Кастельнак, гендиректор со скандальной репутацией, любила повторять, что успех «Медиаплекса» определяет вовсе не она, а сами французы, ведь именно они голосуют пультом, решая, какие программы выживут, а какие закроются. Например, канал «Арте» производил именно то, чего, по мнению критиков, не хватало «МД1», и Амели де Кастельнак, обычно с хищной и горделивой улыбкой, затыкала рот оппонентам, приводя цифры рейтингов. И в заключение всегда произносила одно и то же: «Кто мы такие, чтобы претендовать на право воспитывать людей? Мы здесь только для того, чтобы их развлекать, а уж они сами решают, смотреть нас или нет. Стоит ли упрекать директора цирка за то, что он показывает номера, которые забавляют публику? Воспитывать должны семья и государство, а не частные СМИ». Всё. Разговор окончен.

С тех пор многие называли «МД1» не иначе как «Цирк».

Но Шарлен очень повезло, когда она получила возможность вкалывать в «Цирке». В свои неполные тридцать два

она уже занимала одну из ключевых позиций в восьмичасовых вечерних новостях. Выпускающий редактор. Тот, кто координирует работу технических и редакционных команд, следит за таймингом, вместе с директором канала устанавливает продолжительность эфира и нашептывает в ухо ведущему по ходу всего выпуска...

В тот момент, когда Шарлен проходила мимо огромного экрана, установленного у подножия башни, на котором круглосуточно крутили программы «МД1», там крупным планом появился Поль Даки-Ферран. Широкая улыбка, твердый взгляд. Смесь уверенности, лишенной высокомерия, и доброжелательности, которая принесла ему успех. Поль был любимым новостным телеведущим, причем лидировал с большим отрывом. Единственный, кто мог объединить поколения. Пожилые любили его за классический стиль, молодые — за умение использовать электронные СМИ, чтобы расширить информационное поле и сделать информацию еще доступнее; мужчины — потому что он был привлекателен, но не чересчур, женщины — потому что обаятелен, но в меру. Он нравился всем или почти всем. Практически невозможное в мире телевидения. Разумеется, немногочисленные недоброжелатели утверждали, что он слишком однообразный, слишком пресный.

Шарлен машинально помахала ему рукой, проходя под экраном, и свернула к будке охранников, где ей пришлось остановиться и вытащить из-под свитера свой бейдж. На этом посту работали, сменяя друг друга, человек пять или шесть, и Шарлен путала их имена — она укоряла себя, считала это неуважением к ним, но ничего не могла поделать, это было сильнее ее. В это утро понедельника дежурил высокий тип с усами — он мог бы играть полицейского в американском сериале. *Густав? Октав? Черт...*

— Доброе утро, — произнес охранник, не меняя неприветливого выражения лица. — Вы по какому вопросу?

— Я здесь работаю. Каждый день, уже два года.

Усач оторвал взгляд от декольте Шарлен и сосредоточился на ее лице.

— Ах да, девочка с велосипедом и круассаном, — сказал он, указывая на пакетик в корзинке на руле. — А для меня не захватили?

— Извините, шеф, опять забыла.

Шарлен собиралась приложить пропуск к считывателю, но усач накрыл его широкой ладонью:

— Сначала я должен взглянуть на вашу фотографию.

— Да ладно вам... Вы же меня знаете целую вечность! — проворчала Шарлен, протягивая ему пропуск.

— Безопасность, мадемуазель. Мы с этим не шутим. Отлично, это действительно вы. Теперь велосипед.

Шарлен вздохнула и отстранилась, чтобы он мог отсканировать QR-код, наклеенный на раму ее велосипеда. Ни одно транспортное средство не могло въехать в гараж под башней без предварительной регистрации, что адски затягивало время; занудная процедура даже отбивала у многих сотрудников охоту приезжать на своем транспорте.

Пискнул электронный сигнал, и, прежде чем дать добро, усач глянул на экран в своей будке и удостоверился, что это действительно велосипед, привязанный к профилю Шарлен Кермадек. Он отвел руку, Шарлен смогла приложить пропуск, и дверь подземного гаража открылась.

СМИ превратились в главную мишень террористов всех мастей — исламистов, крайне правых или крайне левых, а канал «МД1», если учесть профиль первой медийной группы Европы, крупный капитал, вероятно, был наиболее уязвим. Поэтому войти в здание можно было, лишь миновав множество уровней контроля безопасности, достойных Банка Франции. Шарлен все это понимала, но ей казалось, что, когда речь идет об отношениях между конкретными людьми, которые знают друг друга, это уже перебор.

А я не в состоянии запомнить его имя... Вот тебе и высокие принципы!

Три минуты спустя она уже поднималась в одном из лифтов в «Цирк», на «Арену звезд»¹. Так между собой они называли офисы редакции. Шарлен была одна в кабине и воспользовалась этим, чтобы взглянуть на себя в зеркало. Она почти не накрасилась, только подвела глаза, чтобы подчеркнуть их цвет. Хотя они были зелеными, Шарлен казалось, что они слишком тусклые, недостаточно выразительные. Ей повезло — по всему лицу у нее были рассыпаны веснушки, которые придавали коже красивый, естественный золотистый оттенок, хотя в школе из-за них ее нещадно дразнили. Но вот рыжая шевелюра была совершенно непослушной. Из-за велосипедного шлема волосы вообще стояли дыбом. Она сняла резинку с запястья левой руки, пытаясь как-то собрать их в хвост. Двери лифта открылись на этаже «Арены звезд». Она вошла в длинное помещение прямо напротив лифта — из панорамных окон открывался вид на Сену и Париж — и набрала код на деревянном шкафчике рядом с письменным столом. Швырнула туда вещи, включила компьютер, одновременно доставая из пакетика круассан, и потянулась к термокружке с кофе. Ровно восемь утра. Отлично. Как и каждое утро.

За ее спиной, в глубине зала, уже сидел Родрик, главный редактор выпуска новостей, уткнувшись в экран своего телефона. Остальные должны были вот-вот подтянуться.

Начинался марафон продолжительностью чуть больше тринадцати часов. Столько требовалось для подготовки достойного выпуска новостей. Каждый вечер их смотрит более шести миллионов зрителей, поэтому они не имели права на ошибку.

День был расписан по минутам, но, по сути, никогда не заканчивался. Стартовали они даже накануне, дома, обычно перед сном — члены редакционной команды читали на

¹ Помимо очевидной отсылки к цирковой тематике это также аллюзия на знаменитую французскую телепередачу под таким же названием («La piste aux étoiles», 1956–1978) — цирковое шоу, где на манеже выступали звезды эстрады.

планшетах завтрашние выпуски газет. Они появлялись в Интернете между 22:00 и полночью — это была первая порция новостей, заполнявшая сознание даже во сне.

Утром перед приходом на работу они снова подключались к новостной ленте, чтобы понять основные тенденции дня, и появлялись в редакции, уже погрузившись в новостной поток. Их ремесло не знало передышек и пауз. Работа на износ с вечера воскресенья до вечера четверга. И поскольку все жили только этим, никто полностью не отключался даже в выходные.

Шарлен запустила компьютер и открыла файл, который ночная смена оставила в ее почтовом ящике. Эта служба просматривала все, что происходило в мире за ночь, пока Франция спит, и составляла обзор для редакции. Обычно там не было ничего нового, Шарлен уже слышала все это по радио, едва проснувшись. Она быстро сделала несколько пометок в блокноте. Ее внимание привлекло дерзкое ограбление в Тулузе — грабители проникли в помещение через канализацию. Съёмочная группа канала на месте должна была снять материал. Как только специалисты по инфографике узнают подробности, они подготовят 3D-иллюстрации. Поэтому нужно как можно скорее раздобыть все детали, чтобы осталось время поработать над реконструкцией ограбления. Драматическое падение биржевого курса в Токио. Фиг с ним.

Это слишком далеко и не заинтересует французов. Разве что найти способ показать последствия для Европы.

Шарлен покачала головой и вычеркнула этот сюжет.

У нее оставалось полтора часа, чтобы вникнуть в материал, который завершит день. Выбор за главным редактором, но они работали небольшой командой, и каждый высказывал свое мнение, так что лучше было продумать все заранее, до утренней летучки.

Шарлен посмотрела на часы. Летучка будет в 09:30. Именно там определяют содержание вечернего выпуска новостей. Обсудят темы, порядок их подачи, отведенное под них время,

Шаттам М.

Ш 29 Прайм-тайм : роман / Максим Шаттам ; пер. с фр. М. Таймановой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 544 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-28740-2

Миллионы зрителей в восемь вечера включают телевизор, но сегодня на крупнейшем французском телеканале они увидят не просто новости. Сегодня им предстоит прямой эфир, который они никогда не забудут.

В телестудии, на глазах у публики, неизвестный в маске берет в заложники телеведущего Поля Даки-Феррана и запрещает отключать трансляцию под угрозой убийства этого любимца всей Франции. Вести переговоры он согласен только с сотрудницей телеканала Шарлен, разочарованной в профессии и в жизни. При поддержке подготовленного переговорщика Шарлен начинает игру, в которой от каждого слова зависит слишком многое, а между тем парижский отдел расследований, спецназ, политики и сотрудники телеканала пытаются освободить заложников и выяснить, что за лицо скрывается под маской. Однако у некоторых из тех, кто в эту страшную ночь оказался на телестудии, есть и тайные цели...

Максим Шаттам — французская звезда триллера, увлеченный исследователь зла и ужаса, обладатель престижных премий, автор романов, расходящихся многомиллионными тиражами во Франции и ставших бестселлерами еще в двух десятках стран. В романе «Прайм-тайм» он бескомпромиссно вскрывает все страшное и нелепое, что таится в душе у каждого из нас, — наше стремление к сопричастности ужасу на безопасном расстоянии, нашу готовность верить красиво поданной лжи. Средства массовой информации манипулируют публикой. Публика жаждет зрелищ. Руки в крови у всех.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

МАКСИМ ШАТТАМ
ПРАЙМ-ТАЙМ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ульяна Смирнова, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.04.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ №

Иготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-RBD-37852-01-R